

О ПРИЯТИИ МІРА.

Его Высокопреосвященству
Архієпископу Анастасію Іерусалимскому.

Міромъ хотятъ завладѣть безбожные и свирѣные люди. Движимые завистью и жадностью, попирая всѣ божескіе и человѣческіе законы, они пытаются *переродить* *человѣчскій родъ* *соблазномъ и страхомъ*, погасить его духовность, растлить его душу, ослѣпить его сердце, извратить его природный инстинктъ и создать невиданную еще міровую организацію пошлости — царство концунственна наслаждающихся злодѣевъ и трутней.

И вотъ, пришелъ часъ, когда каждый христіанинъ долженъ поставить передъ собою основной вопросъ: борется онъ съ этими людьми или *отдаетъ имъ міръ* на потокъ и разграбленіе, на растлѣніе и позоръ? И если борется, то за что именно и во имя чего? А если *не* борется, то чѣмъ онъ оправдываетъ это непротивленіе передъ Богомъ и передъ своею совѣстью?

Съ самаго начала отведемъ всѣ попытки уклониться отъ этого вопроса, всѣ двоедушныя и лукавыя (а въ сущности трусливыя и лживыя) старанія избѣжать отвѣта и потомъ все-таки сдѣлать видъ, будто отвѣтъ данъ. Въ дѣйствительности всѣ, кто двоится и лицемѣритъ, всѣ фактически *даютъ* отвѣтъ; но не тотъ, который они произносятъ, а тотъ, который заключенъ въ ихъ криводушіи и лицемѣріи: они *уже сломлены и порабощены*, какъ бы они сами ни называли свою порабощенность — «аполитичностью», «лояльностью», «нейтралитетомъ» или «непротивленіемъ» . . .

Посяганіе коммунистовъ заставляетъ каждаго христіанина рѣшить, уступаетъ онъ имъ власть надъ міромъ, или отстаиваетъ міръ и обороняетъ? И понятно, что это выдвигаетъ въ его сознаніи болѣе глубокой и коренной вопросъ: *пріемлетъ онъ міръ* или *отвергаетъ* его? Имѣетъ ли христіанство миссію въ «этомъ», земномъ мірѣ, или оно не *отъ* міра сего и не *для* міра сего, и судьбы *человѣческой земли* и *земного человѣчества* ему

безразличны? Ибо христіанину, отвергающему міръ, дѣйствительно не за что бороться и нечего отстаивать; а христіанинъ, приѣмлющій міръ, долженъ признать, что нынѣ для него пришелъ часъ величайшей и отвѣтственнѣйшей борьбы.

Мы знаемъ, что въ христіанствѣ имѣется древняя «міроотречная» традиція; и признаемъ, что тотъ, кто слѣдуетъ этой традиціи, имѣетъ основаніе не вмѣшиваться въ судьбы земли и земного человѣчества. Онъ имѣетъ «право» предоставить историческому процессу идти своимъ ходомъ и вести людей къ гибели, къ разрушенію и растлѣнію, во власть «змія», «обольщающаго народы» (Апок. 20); но это «право» онъ имѣетъ только тогда, если онъ принимаетъ и «обязанности», вытекающія изъ міроотреченія, т. е. если онъ дѣйствительно *угашаетъ* въ себѣ самомъ земной человѣческой составъ и доживаетъ свой удѣлъ, какъ бы *не присутствуя* на землѣ и томясь о скорой смерти, какъ почти безтѣлесный духъ...

Да, въ христіанствѣ имѣлась древняя традиція, отвергающая *весь этотъ міръ*, какимъ онъ созданъ и живетъ, а вмѣстѣ съ нимъ и самый способъ земного человѣческаго существованія. Традиція эта, порожденная *эсхатологическими* мѣстами Евангелія и Апокалипсиса (не указывающими, впрочемъ, никакихъ опредѣленныхъ сроковъ грядущаго конца); окрѣпшая подъ вліяніемъ *греческой* философіи (стойки и неоплатоники); и дошедшая до крайнихъ выводовъ подъ вліяніемъ формальнаго, внѣшняго законничества, присущаго *иудаизму* — *никогда не выражала послѣдняго и глубочайшаго отношенія христіанства къ Божьему* (именно къ Божьему) *міру*. Было бы чрезвычайно поучительно прослѣдить черезъ всю литературу христіанской аскетики, какъ платонически-стоическое (и чуть ли не буддійское) отвращеніе отъ міра и осужденіе его — уживается въ ней, (не примиряясь), съ христіанскимъ (иногда почти пантеистическимъ) ученіемъ о благодатной устроенности міра, о его божественной ведомости и о вездѣприсутствіи Божіемъ. Два совершенно различныхъ міросозерцанія какъ бы стоятъ рядомъ, не вытѣсняя другъ друга, а подсказывая человѣку два совершенно различные жизненные пути: *міроотверженіе* и *міропріятіе*.

Первый путь былъ послѣдовательно продуманъ и прочувствованъ до конца. Царствіе Божіе не только не *отъ* міра сего,

но и не *для* міра сего. Міръ ви́шній и вещественный есть лишь временный и томительный плѣнь для христіанской души. Міръ и Богъ противоположны. Законы міра и законы духа непримиримы. Двумъ господамъ служить нельзя, а господинъ міра есть діаволь. «Этотъ» вѣкъ и «будущій» — два врага. И смыслъ христіанства состоитъ въ бѣгствѣ *отъ* міра и *изъ* міра, т. е. въ мучительномъ угашеніи своего земного чело-вѣческаго естества. Надо возненавидѣть все мірское и отда-лить его отъ себя, иначе оно само отдалитъ насъ отъ Бога. Всѣ мірскія блага, «все сотворенное» надо почитать чужимъ и не желать ихъ. Христіанинъ не долженъ вступать въ бракъ, не смѣетъ пріобрѣтать собственность, не долженъ служить. Мало того: ему подобаешь молиться «да преидеть міръ сей» и да со-кратятся его дни. Самъ же онъ долженъ обречь свою плоть увяданію или «умерщвленію» — подь страхомъ «лишиться по-слѣдняго благословенія». Ему подобаешь стыдиться того, что у него есть тѣло и тѣлесныя потребности. Онъ долженъ прі-учиться видѣть врага въ своей плоти и гнушаться ею: здоровое тѣло должно быть ему нежелательно; оно должно стать на землѣ, какъ изваяніе или «истуканъ», и самъ онъ долженъ жить такъ, какъ если бы его совсѣмъ «не было въ мірѣ семъ».

Таковы послѣдовательные выводы изъ міроотречности.

Что остается дѣлать въ мірѣ такому христіанину? За что ему бороться? Что отстаивать? И развѣ нападающіе зло-дѣи не являются его прямыми благодѣтелями, напоминающими ему о его забытомъ призваніи и о его неисполненныхъ обязанно-стяхъ? И если Христосъ пришелъ въ міръ, и училъ, и стра-далъ для того, чтобы *увести своихъ учениковъ изъ міра* и на-учить ихъ презрѣнію и ненависти ко всякому мірскому есте-ству, то какъ же можетъ христіанинъ бороться съ тѣми, кто отнимаетъ у него все это запретное и зловредное? Родину ли будетъ онъ отстаивать? Но родина у христіанина одна — *въ небесахъ*. Собственность и правопорядокъ? Но христіанинъ отрекается отъ собственности — и ви́шне, и, главное, внут-ренно. Какая можетъ быть у отшельника забота о правопо-рядкѣ? Какая печаль столпнику отъ того, что гибнетъ хозяй-ство, что исчезаетъ наука, что горятъ или распродаютъ музеи? И можетъ ли христіанинъ отвергать или ниспровергать комму-низмъ, если вѣрно, что «общее владѣніе вещами есть дѣло сладчайшее? . . . ».

Если *это* есть христіанство; если *таковы* завѣты Сына Божія и заповѣди Евангелія, — то мы, христіане, должны отдать коммунистамъ все земное на потокъ и разграбленіе, и вмѣстѣ съ Аѳинагоромъ и Тертулліаномъ «презирать міръ и помышлять о смерти...» Но не будемъ тогда лицемѣрить и кривить душою: отвергнемъ міръ не на словахъ, а въ *реальной жизни*; отвергнемъ не только *борьбу* изъ за мірскихъ благъ, но и *силыя эти мірскія блага*; не будемъ, какъ трусливые шакалы, наслаждаться земною падалью. пока не придетъ сильнѣйшій звѣрь, и отбѣгать отъ нея при его приближеніи, поджавъ хвостъ и взывая къ «принципіальной міроотречности...» Отвергающій что нибудь изъ религіозныхъ побужденій, отвергаетъ не тогда, когда у него отнимаютъ, и не потому, что у него уже отняли, — по отказывается самъ, по собственному почину, заранѣе и навсегда... Какъ жалки, какъ лживы эти «христіане», воспоминающіе о «христіанской міроотречности» только тогда, когда приходитъ часъ бороться за родину и духовную культуру...

Но для насъ дѣло совсѣмъ не сводится къ обличенію этой сентиментальной фальши. Мы должны признать и установить, что міроотречное христіанство не имѣетъ другого исхода, какъ идейно и религіозно *сложить свое оружіе* передъ насѣдающей ратью коммунистовъ и предоставить діаволу свободно распоряжаться «діавольскимъ достояніемъ». Исходя изъ идеи міроотреченія, съ коммунистами бороться нельзя и побѣдить ихъ невозможно. Но и этого мало. Если христіанство отвергаетъ «міръ» — матерію, природу, тѣло, хозяйство, собственность, государство, науку, искусство и всю земную человѣческую культуру — то оно не можетъ ни вести человѣка въ этотъ міръ, ни учить и вдохновлять человѣка *въ этомъ мірѣ*: оно можетъ только *уводить* его изъ этого міра; *благословить его на земную жизнь* и *вдохновить его къ этой жизни* оно *не въ состояніи*. Это значило бы, что земная жизнь дана человѣку не для того, чтобы онъ въ ней *жилъ* и *творилъ*, *славя Бога своею жизнью и своимъ творчествомъ*, а для того, чтобы онъ *не принималъ ея* и *учился медленному самоумерщвленію*. Это значило бы также, что идея «христіанской культуры» содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. и что истинный христіанинъ не имѣетъ на землѣ ни призванія, ни дѣли.

И когда окидываешь взглядомъ исторію культурнаго чело-вѣчества за послѣдніе вѣка и видишь этотъ огромный, роковой процессъ отхода массъ отъ церкви и христіанства, то иногда невольно спрашиваешь себя, не объясняется ли этотъ процессъ между прочимъ и тѣмъ, что христіанство доселѣ не побороло въ себѣ этого міроотречнаго уклона, который учитъ радостно уходить отъ міра и изъ міра, но не учитъ радостно входить въ міръ и радостно творить въ немъ? . . .

Однако надо признать, что вся живая и глубокая традиція христіанства не остановилась на этомъ уклонѣ и не приняла его, какъ основной и опредѣляющей. Она отвела аскезу значеніе *драгоценнаго средства*, но лишила его значенія *единственнаго и послѣдняго пути*. Она приняла міръ, благословила чело-вѣка въ мірѣ и стала учить его не только умиранію, но и жизни, и творческому труду.

Какъ же не принять міра, когда «Богомъ создано все, что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое» (Колос. I. 16)? когда «не нуждающійся ни въ какихъ благахъ Богъ для чело-вѣка устроилъ небо, землю и стихіи, доставляя ему черезъ нихъ всякое наслажденіе благами» (Антоній Великій); когда въ мірѣ «нѣтъ ни одного мѣста, котораго не касалось бы Промышленіе» Божіе, «гдѣ бы не было Бога», и желающей «зрѣть Его» долженъ только смотрѣть «на благоустройство всего и Промышленіе о всемъ» (онъ же); когда міръ и созданъ то для того. «дабы все небесное и земное соединить подъ главою Христомъ» (Ефес. I. 10), а нынѣ «Богъ во Христѣ примирилъ съ собою міръ, не вмѣняя людямъ преступленій ихъ и далъ намъ слово примиренія» (Второе Коринѣ. V. 19)? . . . Вся «эта сотворенная природа» есть не что иное, какъ великая «книга», въ которой чело-вѣкъ «когда хочетъ», можетъ читать «словеса Божіи» (Евагрій), постигая и убѣждаясь, что и твари предстоить однажды освободиться «отъ рабства тлѣнію» (Римл. VIII. 21) . . .

Христось принялъ міръ и воплотился не для того, чтобы научить насъ отвергать міръ, кощунственно понося и презирая созданіе Божіе; но для того, чтобы дать намъ *возможность* и указать намъ *путь* вѣрнаго, *христіанскаго міропріятія*; чтобы научить насъ вѣрно принимать и творчески нести бремя вещественности (плоти) и бремя душевнаго разъединенія (индивидуальности); чтобы научить насъ *жить на землѣ въ лу-*

часть Царствія Божія. Мы не выше Христа, а Христось принялъ земную жизнь и вернулъ ее въ благодатномъ сіяніи. И тотъ, кто принимаетъ міръ, тотъ включаетъ въ свой жизненный путь *творческое дѣланіе* въ этомъ мірѣ, т. е. совершенствованіе въ духѣ — *и себя самого, и ближнихъ, и вещей.*

Человѣку «отъ природы», слѣдовательно отъ Бога, данъ нѣкій способъ земного бытія: трехмѣрная тѣлесность; душа съ ея различными функціями и силами; индивидуальная форма жизни и инстинкта; сила любви и размноженія; голодъ и болѣзни; сопричисленность къ вещамъ и животнымъ, на положеніи ихъ разумнаго и благого господина; раздѣльность и множественность людей; климатъ, раса и языкъ и т. д. Изъ этого, даннаго намъ способа земной жизни вытекаетъ множество неизбѣжныхъ для насъ жизненныхъ положеній, заданій и обязанностей, которыя мы и должны принять, освѣтить и освятить Божиимъ лучомъ и изжить практически, въ трудахъ, опасностяхъ и страданіяхъ, приближаясь къ Божественному и одолевая противобожественное. Своимъ воплощеніемъ и воскресеніемъ Христось не отвергъ этотъ способъ бытія, а *принялъ его и побѣдилъ его.* И намъ надлежитъ идти Его путемъ и творить Его дѣло, какъ волю Отца, — но не по «буквѣ», а «отъ сердца», и не «по закону», а въ «свободѣ» и въ «обновленіи духа» (Римл. VI—VII).

Это значитъ, что намъ надлежитъ пріять — и полевья лиліи, и птицъ небесныхъ; и плотничество, и осла; и золото, съ ладаномъ и смиреніемъ; и хлѣбъ, и рыбу, и вино, и радость брака; и подать — церковную и государственную; и власть Пилата, данную ему свыше; и вервие для торгующихъ въ храмѣ; и трепетъ вѣщаго и грознаго слова; и пѣніе ангельское, несущее смертнымъ вѣсть о Богѣ. Намъ надлежитъ принять все это, какъ даръ и урокъ; какъ христіанское средство ведущее къ христіанской цѣли; какъ жизненное творчество. И принять все это мы должны «какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи» (Первое Петра II. 16).

Въ первые вѣка нерѣдко думали, что надо *принять Христа и отвергнуть міръ.* «Цивилизованное» человѣчество въ наши дни — *принимаетъ міръ и отвергаетъ Христа.* А въ средніе вѣка западъ выдвинулъ еще иной соблазнъ: сохранить имя Христа и приспособить искаженный іудаизмомъ духъ Его уче-

нія къ лукаво-изворотливому и властолюбивому пріятію не преображаемаго міра.

Вѣрный же исходъ въ томъ, чтобы *пріять міръ вслѣдствіе пріятія Христа*; чтобы исходя изъ духа Христова — благословить, осмыслить и творчески подчинить міръ; *не осудить его внѣшній* строй и не обезсилить его *душевную* мощь, но одолѣть и тотъ и другой любовью, волею и мыслью, трудомъ, творчествомъ и вдохновеніемъ.

Это и есть идея *православнаго христіанства*.

Основное исканіе Православія—освятить каждый мигъ земного труда и страданія — отъ крещенія и молитвы роженицѣ, до отходной молитвы, отпѣванія и сорокоуста; и въ молитвѣ передъ началомъ ученія; и въ «даждь дождь землѣ алчущей, Спасе»; и въ освященіи пшеницы, вина и елея; и во всѣхъ таинствахъ; и въ чинѣ священнаго коронованія, и въ присягѣ государю; и въ чинѣ освященія знаменъ и благословенія воинскихъ оружій... Православіе было искони міропріемлюще: и въ отшельникѣ, примиряющемъ князей, и въ епископѣ, наставляющемъ своего государя; и въ хозяйствующемъ монастырѣ, и въ монастырскомъ осадномъ сидѣніи; и въ православныхъ Патріархахъ, и въ православныхъ старцахъ, и въ православныхъ юродивыхъ, и въ исновѣдничествѣ православнаго духовенства, замучиваемаго въ Россіи въ наши дни; и въ этой дивной молитвѣ сѣятеля: «Боже, устрой, и умножь, и возрасти на долю всякаго человѣка трудящагося и гладнаго, мимидущаго и посягающаго...»; и въ нашемъ искусствѣ — отъ Діонисія до Нестерова, и отъ сладкогласія кіевскихъ распѣвовъ до Жизни за Царя Глинки, и до благоуханнѣйшей всемогущей Рахманинова. И когда митрополитъ Филаретъ вступаетъ въ поэтическую переписку съ Пупкинымъ; и когда поколѣніе за поколѣніемъ читаетъ на старѣйшемъ русскомъ университетѣ, какъ призывъ и обѣтованіе: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ»; и когда православный старецъ посылаетъ своего послушника Борисова на Новую Землю писать «чудеса природы Божіей» и его «свѣтскіе» полярные ландшафты потрясаютъ сердца евронеицевъ своею значительностью и величіемъ; и когда мы отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что дали русскому просвѣщенію и русской интеллигенціи Троицкая Лавра и Оптина Пустынь, — то православное міропріятіе предстаетъ передъ нами во всей своей вѣрности и глубинѣ.

Русское Православіе не мыслить міра виѣхристіанскимъ или «свѣтскимъ»; напротивъ — христіанское просвѣщеніе и просвѣтленіе міра является его прямымъ заданіемъ. Ему «есть дѣло до всего, чѣмъ живутъ или не живутъ люди на землѣ» ^{*)}, и притомъ потому, что оно имѣетъ въ этомъ мірѣ великую и священную миссію.

Царствіе Божіе не отъ міра сего. Но о немъ возвѣщено міру и человѣчеству; и поэтому его идея высказана для міра сего, какъ призваніе и обѣтованіе. Невѣрно думать, что Царствіе Божіе *существуетъ для міра сего*; но «міръ сей» существуетъ, какъ величайшее поле для посѣва и возвращенія Царствія Божія. Евангеліе Христово (т. е. благая вѣсть) состоитъ не въ томъ, что земля и небо противоположны и несоединимы, ибо земля обречена грѣху и люди суть дѣти грѣха; но въ томъ, что *Небо уже сошло на землю* въ лицѣ Богочеловѣка, что «приблизилось Царство Небесное» (Матѣ. IV. 17), что возможность и реальность *негрѣховнаго міропріятія* и *міропросвѣщенія* даны и удостовѣрены. Евангеліе несетъ міру не проклятіе, а обѣтованіе; и человѣку не умираніе, а спасеніе и радость. Оно учитъ не бѣгству изъ міра, а *христіанизации* его. Поэтому міроотверженіе есть или условно-временная, очистительная установка монаха, который ищетъ религіознаго уединенія и сосредоточенія; и тогда онъ отвергаетъ не *Божій міръ*, а *свои страсти* и страстныя содержанія своего опыта; или же міроотверженіе есть слѣпота и гордыня, посяганіе на хулу и ересь, непріяніе Евангелія и путь отъ духовнаго скопчества къ тѣлесному.

И вотъ, хозяйство, государство, наука и искусство суть какъ бы тѣ духовныя руки, которыми человѣчество беретъ міръ; и задача христіанства не въ томъ, чтобы слѣпо и грубо отсѣчь эти руки, а въ томъ, чтобы пронизать ихъ трудъ изнутри живымъ духомъ, явленнымъ во Христѣ. Христіанство имѣетъ въ мірѣ свое великое *волевое* заданіе, котораго не постигаютъ люди безвольные и сентиментальные; не достигая его, они сѣютъ соблазнъ, и идутъ, и ведутъ по ложнымъ, то трусливымъ, то лукавымъ путямъ. Пынѣ же, когда вредный фантомъ безбожной науки ^{**)}; когда страшная сила религіозно-безсмыс-

*) См. статью Православнаго: «Православіе и Государственность» въ № 2 «Русскаго Колокола».

***) См. статью «Идея обновленнаго разума» въ № 5 «Русскаго Колокола».

леннаго государства; когда внутренняя обреченность безъидейнаго хозяйничанья; когда растлѣвающая пошлость бездуховнаго искусства — наполняютъ Божію землю расплясавшимися харями; — христіанство не можетъ ни отвернуться отъ этого сатанинскаго дѣйства, провозглашая «нейтралитетъ», ни укрыться за словесное «міроотверженіе» и «непротивленіе».

Оно должно найти въ себѣ *вѣру* и *волю* для христіанскаго міропріятія и для борьбы за свое поле и за свой постѣвъ. Должно найти; и найдетъ. И тогда начнется исцѣленіе.

И. А. Ильинъ.
